

У страха глаза велики

Автор:

Екатерина Вильмонт

У страха глаза велики

Екатерина Николаевна Вильмонт

Сыскное бюро «Квартет» #15

Разбирая вещи для благотворительного фонда, Степанида находит странную записку. По записке видно, что кому-то угрожает опасность! Куда бежать?! Как помочь? И как узнать, кому эта записка адресована?

Степанида уже отчаялась и голову сломала над неразрешимой задачей, пока на помощь не пришли ее настоящие друзья.

А еще расследование удалось совместить с тусовкой с друзьями в Париже – чем не кайф!

Ведь только настоящая дружба способна решить любые задачи!

Екатерина Николаевна Вильмонт

У страха глаза велики

© Вильмонт Е.Н., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава I

Куртка

– Матерь божья! – воскликнула Степанида, входя в прихожую, где стояли три громадные пластиковые сумки, в каких обычно возят товар челноки. – Нешто вы уезжать собрались?

– Ах нет! – рассмеялась Юлия Арсеньевна. – Заходи, Стешенька, я тебе сейчас все объясню.

Вот уже два месяца Степанида после школы приходила к Юлии Арсеньевне. Это была ее работа, за которую она получала пусть небольшие, но свои деньги и страшно этим гордилась. А кроме того, она привязалась к Юлии Арсеньевне как к родной, и та отвечала ей любовью и вниманием. Работа была нетрудная для Степаниды – прибраться в квартире, сбегать в магазин, в сбербанк, в аптеку. А еще Юлия Арсеньевна учила Степаниду говорить без ошибок, вести себя как надо, и Степанида нисколько на нее не обижалась. От Матильды она пока скрывала, что работает, тем более что они в последнее время очень мало виделись. Матильда возвращалась поздно, когда Степанида уже была дома, так что заметить она ничего не могла. Вот и сегодня сразу после уроков Степанида помчалась на улицу Гиляровского.

– Ах, Стешенька, сейчас мы с тобой этими сумками как раз и займемся.

– Да откуда ж они, Юлия Арсеньевна, и что в них?

– Их привезла Леночка, это... Помнишь, я тебе говорила, что жена знаменитого актера Муравина создала благотворительный фонд помощи нуждающимся артистам?

– Вроде да...

– Ну вот, а Леночка и ее подружка Лора решили собрать кое-какую одежду лишнюю у своих коллег...

– Так там одежда?

- Ну да.

- А нам-то что с ней делать?

- Мы с тобой ее разберем, что-то, может, надо выбросить, что-то постирать или почистить...

- Почистить? - всплеснула руками Степанида. - Да вы знаете, сколько сейчас химчистка стоит?

- Нет-нет, наше дело только разобрать вещи и рассортировать. Леночке просто некогда самой, ты же знаешь, как она занята.

- Сделаем! - пожала плечами Степанида. - Но неужто артисты отдают непостиранное?

- Очень возможно, у них нет времени и денег тоже.

- А кто ж стирать и чистить будет? - допытывалась Степанида.

- Насчет стирки не знаю, а вот сеть итальянских химчисток, вернее, ее хозяйка обещала сделать это бесплатно.

- Тогда они и постирают, наверное.

- Возможно.

- Только вот что, Юлия Арсеньевна, я лучше сама все сделаю, а вы ступайте в комнату и дверь закройте, а то, не дай бог, еще кашлять начнете... От пылици да воници.

- Стеша! Что ты вообразила? Это ж все-таки не от бомжей вещи.

- А кто их, артистов, знает? Вон у нас в доме на втором этаже один артист живет - пьянь пьянью, и от него всегда так воняет.

- Это, конечно, прискорбно, но эти вещи не от него, а скорее для него!

- Тоже верно, - улыбнулась Степанида и открыла первую сумку. Вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, заглянула в него и вытряхнула содержимое на пол в прихожей. - Ой, гляньте, какие хорошие вещи!

- Действительно, почти новые! - обрадовалась Юлия Арсеньевна. - И смотри, все чистенькое, что там у нас?

- Две юбки, два джемпера и лифчик, совсем новый, в упаковке еще! Это мы отложим сразу.

Она достала из сумки еще один пакет и тоже вытряхнула на пол. Там оказался вполне приличный шерстяной пиджак. Степанида повела носом.

- Это в чистку, табачищем разит! - определила она.

- Кстати, Стеша, проверь карманы. Мало ли кто что мог забыть, - посоветовала Юлия Арсеньевна.

Действительно, в кармане пиджака Степанида обнаружила полупустую пачку сигарет, три проездных талончика за прошлый квартал и шариковую ручку.

- Ой, и что теперь с этим делать? - спросила она.

- Да ничего! Сигареты отдадим кому-нибудь, кто курит, билетики можно только выбросить, а ручка... Ручка тебе пригодится. Не разыскивать же владельца из-за такой ерунды, - улыбнулась Юлия Арсеньевна. - Вот если кто-то забыл документы вынуть или еще что-то важное, тогда другое дело.

Однако больше ничего не попало. Юлии Арсеньевне кто-то позвонил, и она ушла в комнату, а Степанида взялась уже за последнюю сумку. Вытащила оттуда теплый шарф, шапку-ушанку и мужскую куртку с множеством карманов и

кармашков. Она стала методично их проверять. Во внутреннем, застегнутом на «молнию» кармашке что-то шуршало. Она открыла «молнию» и достала из кармана аккуратно сложенную бумажку. Развернула ее. «Если со мной что-то случится, прошу винить в этом Тимофея Михайловича Холщевникова».

Степанида даже рот открыла от изумления. Ни фиги себе! Вот это записочка! Но что же делать? Степанида задумалась. Если человек написал такую записку и сунул ее в карман куртки, значит, он чего-то боялся... И если куртка с запиской попала сюда, то, наверное, с ним случилось-таки несчастье, в котором скорее всего виноват этот самый Холщевников. А записку не нашли... Кому, интересно, она предназначалась? Вероятно, милиции...

– Стешенька, ты о чем задумалась? – заставил ее очнуться голос Юлии Арсеньевны.

– Да так, ни о чем... – ей не хотелось пугать впечатлительную пожилую даму. И она решила при первой же возможности позвонить Валерке. Он обязательно что-то умное присоветует. Она спрятала записку в свою сумку, а куртку положила в отдельный пакет. Ее надо тоже сохранить для следствия. Больше ничего интересного ей не попало.

Покончив с разборкой вещей, она сбегала в магазин и на почту, потом протерла влажной тряпкой полы, попила чайку с Юлией Арсеньевной и помчалась домой, незаметно прихватив с собой пакет с курткой.

Матильды дома не было. И Степанида сразу же позвонила Валерке.

– Степка, привет! – обрадовался он. – Что новенького?

– Валер, надо поговорить!

– Опять что-то случилось? – догадался он по таинственному тону подружки.

– Ага!

– В чем дело-то?

- Слушай, я нынче такую записку нашла... «Если со мной что-то случится, прошу винить Тимофея Михайловича Холщевникова».

- Что? Где ты ее нашла? - взволновался Валерка.

- В куртке!

- В чьей?

- Кабы знать!

- То есть?

- Ну, понимаешь... Я заходила к Юлии Арсеньевне...

Валерка до сих пор не знал, что Степанида работает у нее за деньги.

- И что?

- Ну, там ее дочка привезла сумки с одеждой... для этой, как ее... благотворительности, и я это шмотье разбирала, ну и вот...

- А где куртка?

- У меня, я ее потихесеньку унесла.

- Потихесеньку? - рассмеялся Валерка. - Молодчина! Слушай, это может быть очень интересное дело. Вот только бы узнать, чья куртка. Но, судя по тому, где она оказалась...

- Вот-вот, я то же самое подумала. Если ее вот так отдали незнакомому, значит, хозяина уже нет...

- Ну, необязательно! Знаешь, по-всякому бывает. Например, он спрятал записку в карман, а его жене, допустим, эта куртка не нравится, вот она и отдала ее в отсутствие мужа. И тогда он вполне может написать еще такую же записку.

Кстати, очень возможно, что он распихал такие записки по всем своим карманам, и тогда...

- Тогда нам тут делать нечего, да?

- Ну, в общем и целом... Да, Степка, в таком случае нам тут делать нечего.

- А если нет, если он только одну записку оставил? Может же такое быть?

- Все бывает...

- Валер, значит, ты считаешь, мы можем просто махнуть на это рукой?

- Думаю, да.

- Но как же, Валерка? – закричала Степанида. – А если его убили? И никто не знает про этого Холщевникова?

- Но что мы можем? Только отнести эту записку в милицию.

- Ну хотя бы!

- Степка, если бы мы хоть отдаленно представляли себе, чья это куртка. А то в милиции нас вообще за трепачей могут принять. И потом, что, если это просто дурацкий розыгрыш?

- Розыгрыш? – ахнула Степанида.

- Да, да, именно розыгрыш! В актерской среде это очень даже принято. Сама подумай, какой-то весельчак решил отдать свою курточку и поглядеть, что из этого получится.

- Дурак он, что ли?

- Почему бы и нет? Розыгрыши бывают умные, а бывают вполне идиотские. Тем более с пьяных глаз.

- Ты серьезно?

- Еще как серьезно! Аськина мама как-то рассказывала, что у них в театре одному артисту позвонили и сказали - вас приглашают в какой-то маленький подмосковный городок выступать в Доме культуры; словом, наговорили ему сорок бочек арестантов, пообещали хорошие деньги заплатить, ну и все такое, он был не избалован и поехал. Его, естественно, никто не встретил, он долго блуждал по этому городку и в результате простудился, заболел воспалением легких. Вот такие розыгрыши тоже бывают.

- Козлы!

- Это точно. Так что история с запиской тоже здорово смахивает на розыгрыш.

- Может быть, - задумчиво проговорила Степанида. - А я уж невесть чего себе навоображала...

- Представляю! - усмехнулся Валерка. - А как вообще дела, Степка? Как Матильда?

- Матильда? Нормально, только я ее почти и не вижу.

- А на лето какие планы?

- Какие планы? Я не знаю. Тетя Саша с Игорьком в деревню поедет, меня с собой зовет.

- Поедешь?

- Неохота. Мы, наверное, компьютер купим, и я буду на нем учиться... А чего там в деревне делать?

- Воздухом дышать. А меня на даче опять запрут. Я там помру с тоски. Раньше еще, когда Аська с Мотькой там жили, было терпимо, у нас всегда дела находились, а теперь... Кстати, ты не в курсе, Аська на лето не приедет?

- Не знаю, Матильда ничего не говорила.
- А у Мотьки летом гастроли будут?
- Вроде да. Валер, а если это все-таки не розыгрыш, тогда как?
- Степка, тебе не терпится опять что-то расследовать?
- Ничего подобного, просто... А вдруг мы сможем спасти этого человека?
- Во-первых, какого человека? А во-вторых, в милицию он и сам мог заявить. Но почему-то этого не делает, а если мы заявим, то можем ему только хуже сделать, понимаешь? Не говоря уж о том, что нас с таким заявлением скорее всего просто пошлют куда подальше. Спасай того, не знаю кого! Конечно, если очень постараться, можно найти хозяина этой куртки...
- Как?
- Спросить у дочки Юлии Арсеньевны, у кого она брала вещи, ну и методом исключения...
- Чего? - не поняла Степанида.
- Объясняю - надо будет составить список этих людей и проверить их всех.
- Это долго. Валер, а вдруг она точно помнит, чья это куртка?
- Возможно и такое. Но тогда тебе придется все ей рассказать. Хотя...
- Что?
- Можно что-нибудь придумать... Допустим, что в куртке нашлись деньги или еще что-то ценное. Правда, если она точно помнит, чья куртка...
- Да, тогда придется это вернуть, а возвращать-то нечего.

- То-то и оно. Вот что, Степка, если ты в ближайшие дни увидишь Елену Александровну, попробуй как-нибудь навести ее на разговор об этих вещах, вдруг что-то сумеешь выведать...

- Попробую.

Они еще поговорили о том о сем и простились. И тут же кто-то позвонил в дверь. Это явилась Алка.

- Привет, до тебя не дозвонишься, ты с кем трепалась? - накинулась она на Степаниду.

- С Валеркой.

- У любви, как у пташки, крылья?

- Да какая там любовь! - отмахнулась Степанида. - Просто сегодня такая история вышла...

Степанида рассказала Алке про записку.

- Ну ни фига себе! А эта куртка у тебя?

- Да.

- Покажи! - потребовала Алка.

- Зачем?

- Надо!

Пожав плечами, Степанида достала куртку.

- На, гляди!

Алка взяла ее в руки, пощупала материал.

- Курточка недешевая! – сказала она.

- Почем ты знаешь?

- «Хьюго Босс», фирма дорогая, будь спок, я-то знаю.

Алка принялась:

- Туалетная вода «Дюна», фирма «Кристиан Диор».

- Чего? – вытаращила глаза Степанида.

- Того! Говорю же – мужик этот душился туалетной водой «Дюна»!

- Алка, ты брешешь?

- Почему это я брешу? Даже не собираюсь! Просто я знаю этот запах!

- Папа твой, что ли, этой водой душится? – предположила Степанида.

- Ясное дело.

- Тогда понятно. Ну, что еще скажешь?

- Что мужик этот был не бедный!

- А что нам это дает?

- Не знаю, пока ничего, а там посмотрим. Мы, Степка, должны заняться этим делом.

- Думаешь? А Валерка говорит: это свободно может быть розыгрыш.

- Розыгрыш?

- Ну да!

Степанида пересказала ей Валеркину теорию. Алка сморщила нос.

- Кретин он, что ли, этот дядька? Какой интерес в розыгрыше, если не видишь его результатов? Кому надо неизвестно кого разыгрывать? Ты сама-то подумай! Разыгрывать людей, которые собирают ношенные шмотки для благотворительности? Да они скорее всего и не обратят внимания на какую-то бумажонку в кармане. Выкинут, и все дела.

- Но я же вот обратила внимание!

- Ты - исключение! Нет, Степка, никакой это не розыгрыш, я просто уверена. На все сто!

Степанида задумалась. В словах Алки был резон.

- Ну и что ты предлагаешь?

- Для начала тебе нужно поговорить с этой артисткой, дочкой Юлии Арсеньевны.

- О чем?

- Степка, ты сдурела, да? Сама, что ли, не понимаешь?

- Не понимаю, если честно.

- Ты должна ей сказать всю правду! А она сообразит, что к чему. Может, вспомнит, чья это куртка. Говорю ж тебе: куртка дорогая, фирменная, она, артистка эта, уж точно обратила на нее внимание. Такие куртки не каждый день выбрасывают. Когда она должна шмотки забрать?

- Вроде бы завтра.

- Степка, у тебя ее телефон домашний есть?

- Есть, а что?

- Как что? Как что? - возмущенно завопила Алка. - Это же самой глупой козе понятно! Позвони ей и спроси!

- У нее, наверное, спектакль...

- А ты позвони и выясни. Вдруг сегодня она дома?

Степанида нашла записную книжку и позвонила дочке Юлии Арсеньевны, артистке Елене Пивоваровой по прозвищу Пивочка. Но у нее никто не брал трубку.

- Нету ее, - мрачно сообщила Степанида.

- Значит, позвонишь ей завтра с утра.

- Утром она спит.

- Ничего, проснется! - сурово ответила Алка. - Такое дело...

- Ал, а если она ничего не знает, не помнит?

- Тогда спросишь у нее про всех, кто давал шмотки! И мы разберемся!

- Ну ты даешь! - покачала головой Степанида.

- В нашем деле только так!

- В каком это нашем деле?

- В детективном! Я, Степка, уже решила. Буду следователем!

- Еще сто раз перерешешь!

– Посмотрим!

– Посмотрим!

Подружки рассмеялись.

– Конечно, лучше бы это случилось через недельку, когда школа кончится, но... Ой, Степка, а меня ведь на дачу законопатят! – сокрушенно воскликнула Алка. – Это уж как пить дать. Мама отпуск даже берет...

– Значит, постараемся все успеть до тех пор! В конце концов, нам надо выяснить только одно – чья это куртка. И отдать записку в милицию.

– Правильно! Только ты, Степка, наберись храбрости и позвони утречком артистке...

– Ладно.

Когда Алка ушла, Степанида села за уроки, твердо решив утром связаться с Еленой Александровной. Ей даже во сне не могло присниться, какие события начнут разворачиваться еще сегодня вечером, не имеющие, впрочем, ничего общего с таинственной запиской.

Глава II

Потрясающая новость

Покончив с уроками, Степанида хотела приготовить ужин, но потом вспомнила, что у Матильды сегодня последний спектакль в этом сезоне, а после спектакля будет еще банкет, и вернется она очень поздно. Значит, никакой ужин готовить не надо. А себе она просто сделает два бутерброда с докторской колбасой и чай с лимоном. Так она и поступила. Интересно, что Матильда собирается делать в отпуске? Что-то она ничего об этом не говорила. Правда, они редко виделись в последнее время, а уж поговорить по душам и вовсе не удавалось. Ничего, зато теперь наговорятся. Правда, с Юлией Арсеньевной теперь станет сложнее, если

Матильда будет дома сидеть. Она мигом сообразит, что тут что-то не так... А впрочем, Степанида ведь ничего плохого не делает. Попив чаю, она включила телевизор и прилегла на диван. Но фильм был скучный, и она мигом уснула.

- Степка, что за дела? – раздался Мотькин голос. – Почему спишь на диване, одетая?

Степанида открыла глаза.

- Мотя, что?

- Вставай, Степка! Разденься и ляг по-человечески!

- Ой, Мотя! Какая ты!.. – восторженно завопила Степанида.

Матильда стояла над ней в новом, невероятно красивом платье, в туфельках на высоченных каблуках, и ее синие глаза сверкали.

- Мотя! Откуда платье-то? Я его не видела! А цветов-то сколько! Как прошел спектакль?

- Ой, Степка! Такой успех, такой успех! Даже жуть берет! Слышала бы ты, что про меня на банкете говорили! Степка, я тебе тут всяких вкусностей привезла!

- С банкета, что ли, уперла?

- Да ты что! Конечно, нет! Просто мне Яков Леонидович специально для тебя дал с собой... И вообще... Степочка, я такая счастливая! И у меня для тебя есть сюрприз! Потрясающий сюрприз!

- Какой? – загорелась Степанида.

- Я тебе пока не скажу!

- Почему это?

- Ты сперва закончи учиться, а тогда...

- Мотья, это свинство! - возмутилась Степанида. - Зачем тогда говорила? И потом, до конца школы осталось шесть дней! Ну, Мотенька, пожалуйста, скажи!

- Степка, мы с тобой... Одним словом, через день после окончания учебного года мы с тобой уезжаем!

- Уезжаем? Куда? В деревню?

- Нет, не в деревню. В город.

- В Харьков, что ли? - разочарованно протянула Степанида. Ее совсем не тянуло в родной город.

- Нет, Степка, подымай выше! - в голосе Матильды слышалось ликование.

- В Питер?

- А в Париж не хочешь?

- В Париж? - ошалела Степанида. - В Париж?

- В Париж, Степка, в Париж! Мы с тобой! На целых три недели!

- Моть, ты меня разыгрываешь, да?

- Нет, Степка, нет! Это правда! Не хотела я тебе говорить раньше времени, хотела вообще все полным сюрпризом сделать... Но вот... проболталась...

- Нет, ты скажи, это правда? - все не верила Степанида.

- Да! Правда!

- Мы к Аське поедем?

- Конечно, к Аське! Она нас вместе пригласила! Мы будем жить у нее и поедим по Франции. Но главное - Париж... Ах, Степка, что это за город... Знала бы ты...

- Но почему она нас пригласила, вернее, почему она меня пригласила? Я же с ней тогда... так по-хамски... а она...

- Потому что Аська, она... она умная и все понимает. Степка, ты что, не рада?

- Рада, еще как рада... Просто не ожидала... Моть, а ведь на это много денег надо!

- Не волнуйся, все просчитано, - устало улыбнулась Матильда. - Только поговорим про это завтра. У меня что-то силы кончились...

И она ушла в ванную. Степанида осталась сидеть в полном обалдении. Она поедет в Париж? Неужели это правда? Она просто боялась поверить в такое счастье. Но, с другой стороны, Матильда наверняка не врет. Она сказала, что на следующий день после окончания занятий... Ой, а как же Юлия Арсеньевна? Голова у девочки пошла кругом. Когда Матильда вышла из ванной, у Степаниды сжалось сердце. Она была такая хрупкая, почти прозрачная и уже еле передвигала ноги от усталости.

- Степка, все разговоры завтра. А сейчас спать. И утром не буди меня, ладно?

- Ладно, - вздохнула Степанида. Легко сказать спи, разве тут уснешь?

Она и впрямь полночи ворочалась в постели и уснула лишь под утро. Естественно, когда вскочила, ни о каких разговорах с Еленой Александровной не могло быть и речи. Да Степанида о ней и не вспомнила.

В школе Алка сразу же бросилась к Степаниде.

- Ну что?

- Что? - растерялась Степанида.

- Ты ей звонила?

- Кому?

- Артистке!

- Ой, Алка! - хлопнула себя по лбу Степанида. - Я вообще про это забыла!

Алка воззрилась на нее с недоумением. Степанида забывчивостью не страдала.

- Да что с тобой, подруга? Сдурела, да?

- Ага! - расплылась вдруг в блаженной улыбке Степанида. - Алка, поклянись, что никому не скажешь!

- Про что?

- Про то, что я тебе сейчас скажу.

- Клянусь!

- Алка, мы с Матильдой в Париж едем!

- Чего?

- В Париж! К Аське! На три недели!

- Врешь!

- Еще чего! Мне вчера Мотья сказала.

- И ты сразу с глузду съехала? - воспользовалась Алка Степанидиным выражением.

- А ты бы не съехала?

– Съехала бы, наверно, – честно призналась Алка. И вздохнула не без зависти: – Счастливая ты, Степка. В Париж поедешь, это ж надо! Ой, а как же быть с нашим делом, а?

– Но мы же вчера решили, что постараемся успеть до конца занятий. Я сегодня проспала, но зато вспомнила – у Елены Александровны сегодня в театре выходной, постараюсь ее застать.

– Ладно, только держи меня в курсе дела, хорошо?

Тут прозвенел звонок, и они побежали в класс.

После уроков Степанида собралась было бежать сразу к Юлии Арсеньевне, но Алка удержала ее.

– Степка, куртка где?

– Дома, а что?

– Как что? Если ты собираешься про нее говорить, она должна быть при тебе, а то эта артистка может подумать, что ты ее просто присвоила.

– Алка, ты что?

– Ничего. Дело, конечно, твое, только я тебе советую ее взять с собой.

– Черт, Матильда, наверное, дома... Ал, пошли со мной, отвлечешь ее внимание, а заодно скажешь, что мы куда-нибудь вместе собираемся.

– Хорошо, – сразу согласилась Алка.

Однако Матильды дома не было. Степанида быстренько взяла припрятанную куртку и, простившись с Алкой, помчалась к Юлии Арсеньевне. Дверь ей открыла Елена Александровна.

– Степанида, здравствуй! Ты молодчина, помогла маме с этим шмотьем, – негромко проговорила она. – Мама плохо спала и прилегла отдохнуть.

– Елена Александровна, – шепотом сказала Степанида, – мне очень-очень нужно с вами поговорить.

– Очень-очень? – улыбнулась та. – Ну что ж, пойдём на кухню. Слушаю тебя.

– У меня к вам целых два дела! Первое... Елена Александровна, я через неделю уезжаю на три недели и не смогу приходить...

– Уезжаешь? Куда? В Харьков?

– Нет! В Париж!

– Как в Париж? – поразилась Елена Александровна. – Зачем?

– С Матильдой. К Аське.

– А! Понятно! Везет тебе, Степанида! Париж...

– А вы были в Париже?

– Была. Целых две недели! Это сказка, Степанида!

– Но как же будет с Юлией Арсеньевной?

– Ничего, как-нибудь справимся, мама все-таки уже окрепла за последнее время. Правда, она скучать по тебе будет.

– Я тоже буду скучать, – призналась Степанида.

Елена Александровна потрепала ее по щеке.

– А какое еще у тебя ко мне дело?

– Ой, да! Елена Александровна, вы случайно не помните, кто вам отдал вот эту куртку?

Она вытащила куртку из пакета.

– Нет, Степанида, не помню, – пожала плечами Елена Александровна. – А какое это имеет значение?

– Понимаете, я нашла в кармане вот такую записку...

Елена Александровна пробежала глазами записку.

– Что за черт! Похоже на розыгрыш... Да скорее всего кто-то решил пошутить. А ты подумала, что это всерьез?

– Да. Валерка, правда, тоже сказал про розыгрыш...

– Ну вот видишь, да не бери ты это в голову! Какой-нибудь дурак решил либо пошутить, либо напакостить какому-то Холщевникову... Только и всего. Можешь спокойно выкинуть записку и забыть об этом раз и навсегда.

– Вы так думаете?

– Уверена. Тем более что выяснить, чья это куртка, очень сложно.

– Почему сложно?

– Видишь ли, эти вещи не я одна собирала, многие мои знакомые тоже собирали их по своим знакомым, понимаешь, какая цепочка? И к тому же, кто именно из моих знакомых получил куртку, тоже выяснить трудно. То есть, в принципе, это возможно, но потребует столько времени, что...

– Понятно, – кивнула Степанида. – Но вы и вправду думаете, что это может быть розыгрыш?

- Да. В театральной среде частенько этим развлекаются. Степа, сможешь мне донести сумки до машины? Надо уж сдать все это!

- И куртку?

- Конечно! А что с ней еще делать?

Степанида задумалась на мгновение, а потом решительно сунула куртку в одну из сумок. Но записку все-таки оставила себе. Так, на всякий случай.

Когда Юлия Арсеньевна вышла на кухню, Степанида как раз мыла газовую плиту.

- Стешенька! Ты давно пришла? Я и не слыхала.

- Да уже больше часа! Как вы чувствуете?

- Стеша, надо говорить – как вы себя чувствуете!

- Ладно, – согласилась Степанида, – как вы себя чувствуете?

- Уже хорошо! А вот что с тобой? У тебя, по-моему, какие-то новости, да? – пригляделась к девочке пожилая дама. – Я права?

- Правы! Юлия Арсеньевна, кабы вы знали, до чего правы!

- Стеша, что случилось?

- Я поеду... в Париж!

- Ты поедешь в Париж?

- Да, нас с Мотькой пригласила Аська!

- Превосходная новость, Стеша! И когда же состоится эта поездка?
- А как уроки кончатся. Через неделю! Я спрашивала Елену Александровну, как вы тут без меня, а она сказала - обойдемся!
- Она что, была с тобой невежлива?
- Боже упаси! Нет, она сказала - как-нибудь справимся.
- Это другое дело, - улыбнулась Юлия Арсеньевна. - Вот так иной раз рождаются недоразумения. Поэтому, Стеша, ты уж когда передаешь кому-то чьи-то слова, старайся быть точной...
- Поняла, - кивнула Степанида.
- Ах, Стеша, я ведь обещала учить тебя французскому, и так ничего не вышло... Какая жалость!
- Да, кабы знать... - вздохнула Степанида. - Но ничего. Мотья училась французскому, уроки брала... И Аська по-французски свободно чешет. Они ж меня там одну не бросят, правда же?
- Не должны! - засмеялась Юлия Арсеньевна.
- А вы в Париже были?
- Увы, нет. Не привелось.
- Еще побываете!
- Ну, это вряд ли... Хотя чем черт не шутит, правда?
- Истинная правда! Я вот даже и не мечтала, а вчера Мотья мне сказала, так я думала: от радости в окошко выпрыгну!
- Нет уж, будь добра, в окошко прыгать не надо!

– А вы небось по книжкам все про Париж знаете?

– Не все, но многое...

– Вы мне напишите, что там надо посмотреть, ладно?

– Зачем? Думаю, все, что следует, тебе и так покажут. Без моих списков. Ты ведь едешь в гости в высшей степени интеллигентную семью.

– Ой, мамыньки! Я ж там чупаха чупахой буду выглядеть!

– Никакая ты не чупаха! – возмутилась Юлия Арсеньевна. – Ты умная девочка, за то время, что ко мне ходишь, ты многому научилась, ты вообще очень восприимчивая, сообразительная, так что тебе там совершенно нечего стесняться.

– Но вы мне все-таки скажите, научите меня, пока время есть, каким-нибудь французским словам... Или нет, бог с ними, со словами, вы скажите лучше, куда меня там поведут, чтобы я совсем уж дурой не выглядела. Мол, сегодня мы поедем туда-то, а завтра туда-то...

– Да, задачку ты мне задала! – засмеялась Юлия Арсеньевна. – Что ж, для начала давай выясним, что ты знаешь про Париж? Какая река там протекает?

– Река? Не знаю.

– Сена. Постарайся запомнить – Се-на.

– Сена. Значит, как увижу в Париже речку, можно кричать: «Ой, Сена!» Да?

– Да. А какой в Париже самый главный музей?

– Музей? Ой, я что-то слышала, Мотька говорила... Сейчас вспомню... Дувр!

– Не Дувр, а Лувр. Дувр – это город в Англии.

- Ага, Лувр! И самая главная там картина – эта... Мона Лиза, да?
- Самая главная? Пожалуй. А кто написал эту картину?
- Я помню... Сейчас... Его тоже звали Леонардо!
- Почему тоже?
- Ну, как Леонардо ди Каприо!
- Боже мой! – схватилась за голову Юлия Арсеньевна. – Его звали Леонардо да Винчи. Запомни – Леонардо да Винчи. И не вздумай там вспоминать про ди Каприо.
- Ладно, запомню.
- А ты читала «Собор Парижской Богоматери»?
- Нет, не читала.
- Я тебе дам, постарайся прочитать до отъезда, и тогда уж ты никогда о нем не забудешь.
- А книжка толстая? – деловито осведомилась Степанида.
- Довольно толстая.
- Не, Юлия Арсеньевна, я не успею. Вы лучше так мне про этот самый собор расскажите. Мотья точно там была.
- Надо полагать... – вздохнула Юлия Арсеньевна.
- В общем, чтобы не опозориться, мне там лучше помалкивать, да?
- Ну почему? Если что-то захочешь узнать, обязательно спрашивай. Думаю, вас по городу будет Ася водить, ее-то ты можешь не стесняться. А вообще, Стеша,

чтобы в будущем не попадать в такие ситуации, надо побольше читать. Чем больше человек читает, тем он лучше развивается. Это еще никому не вредило.

- А чего читать-то надо? Книг вон сколько понаписано, все не прочитаешь!

- Все и не надо. Я подумаю и составлю тебе список.

- Только что-нибудь нескучное, ладно?

- Постараюсь. Стеша, но ведь ты же сама мне говорила, что читать любишь.

- Люблю. Детективы и приключения разные.

- Этого мало, детка. Я знаю, в наше время многие вообще ничего не читают, только ты ведь хочешь стать образованным человеком, правда? Кстати, Матильда, насколько я знаю, много читает.

- Это правда, она без книжки вообще не может. И всегда говорит, что это благодаря Аськиной семье она вообще что-то знает.

- Вот и тебе не стоит от нее отставать.

- Но Матильда очень много всяких стихов читает, а я этого не понимаю, по моему, это неинтересно. Всякие там розы-слезы, кровь-любовь...

- Все ясно, - улыбнулась Юлия Арсеньевна, - просто ты еще не влюблена.

- Не влюблена? А при чем тут это?

- При том, что влюбленному человеку хочется читать стихи. Погоди, ты еще в этом убедишься.

- А вообще-то правда, - задумчиво проговорила Степанида. - Алка, как в Костю втюрилась, тоже какие-то стишки читает. Ну надо же! И это все так?

- Ну, разумеется, не все, только те, у кого в душе что-то звучит...

- У Алки, значит, звучит?

- Если ее в таком возрасте на стихи потянуло, определенно звучит.

- А может быть так, что я никогда не влюблюсь?

- Нет, не может! - засмеялась Юлия Арсеньевна. - Хоть раз в жизни всякий человек влюбляется.

- А вы сколько раз влюблялись?

- Я? О, я очень часто влюблялась, я была очень влюбчивая.

- Да? А первый раз, когда влюбились, вам сколько лет было?

- Лет пять, должно быть, я была влюблена в шофера, который водил персональную машину нашего соседа по площадке. Как сейчас помню, он был молодой, красивый, и его звали Артур.

- А мне вот скоро тринадцать будет, а я еще не влюблялась, - тихо сказала Степанида.

- Стеша, а когда у тебя день рождения?

- Двадцать третьего июня.

- Значит, отмечать его ты будешь в Париже!

- Ой, мамыньки, я и забыла совсем. Ну надо же... Знаете, Юлия Арсеньевна, мне все как-то не верится... И я не знаю, как там будет...

- Там будет хорошо! Там будет просто восхитительно, можешь мне поверить. Лето, Париж... Да я в твоём возрасте даже мечтать ни о чем подобном не могла, так что ничего не бойся, а просто наслаждайся жизнью.

- А на самолете небось страшно летать?

- Страшно? Не знаю. Я всегда любила летать. Это так прекрасно - села в самолет, и через два-три часа ты уже в другом городе или в другой стране. Выходишь из самолета - и сразу ощущение чуда. А когда на поезде тащишься, в тесном купе, иной раз такие попутчики попадутся, что не дай бог... Стеша, ты еще никогда не летала?

- Нет. Только на поезде...

- Вот видишь, сколько интересного тебе предстоит. И первый твой полет будет не куда-нибудь, а в Париж! Ты счастливая, Степанида! Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Они еще довольно долго беседовали, пока Степанида занималась хозяйством. Потом она понеслась домой. Встретила ее Матильда.

- Где ты была? - сурово спросила она.

- Мы с Алкой... - начала Степанида.

- Не ври! Я Алку встретила!

- И чего?

- Ничего! Степанида, колись!

- Да я...

- Покажи дневник! - неожиданно потребовала Матильда.

Степанида, облегченно вздохнув, полезла в сумку за дневником. Там все было в порядке. Пятерки и четверки. С точными науками она вполне справлялась сама, а с историей и литературой ей здорово помогала Юлия Арсеньевна, так что дневник она могла предъявить сестре вполне спокойно. Матильда пролистала дневник.

- Странно, - пробормотала она.

- Что странно, Мотя? Что я хорошо учусь? Я разве придурочная?

- Ты не придурочная, нет, но сейчас явно придуриваешься! Говори, где тебя носит? Мне тетя Тася сказала, что ты после школы где-то шляешься, домой поздно приходишь. Что это значит? Говори, Степанида, а не то вместо Парижа в Харьков отправишься. Со мной шутки плохи! Я не для того тебя к себе взяла, чтобы ты с дурной компанией спуталась.

Степанида молчала.

- Что молчишь? Придумываешь, как бы половчее соврать?

- Мотя, ты почему орешь?

- Я не ору!

- Ты попросила показать дневник, думала небось - там одни пары да колы?

- Знаешь, я не уверена, что это не поддельный дневник! Я, пожалуй, завтра в школу наведаюсь, с учителями поговорю! А то с тебя станется!

Степанида расхохоталась.

- Ты чего? - насторожилась Матильда.

- Иди, Мотя, иди в школу! Только потом будешь у меня прощения просить!

- Прощения просить? Интересно, за что?

- За ложные обвинения, вот! Потому что я и вправду хорошо учусь. Я, Мотя, способная, а ты и не заметила.

- Я заметила, еще как заметила! Способности у тебя и впрямь редкие, особенно если вспомнить историю с теми несчастными долларами...

- Сколько можно одно и то же вспоминать! И потом, все ведь хорошо кончилось.
- Ладно, пусть, но только ты мне зубы-то не заговаривай. Куда тебя после школы носит? Имей в виду, я ведь все равно узнаю, у меня тоже как-никак детективный опыт есть, поэтому лучше сама признайся.

Степанида смотрела на нее исподлобья и молчала.

- Не скажешь? Жаль. Я так хотела показать тебе Париж...

- Знаешь, как это называется? - разозлилась Степанида. - Шантаж!

- Ах вот что? Шантаж? А как твое поведение называется, вот что я хочу узнать! И, между прочим, если бы в твоём поведении ничего плохого не было, не стала бы ты так таиться!

- Хорошо, - решила вдруг Степанида. Париж есть Париж! - Так вот, пусть тебе будет стыдно! Если хочешь знать - после школы я работаю.

- Работаешь? - ахнула Матильда. - Кем?

- Ну, этой... помощницей.

- Помощницей? И кому ты, интересно знать, помогаешь?

- Одной пожилой тетеньке.

- Какой еще тетеньке?

- Я ж говорю - пожилой!

- Степка, ты правду говоришь?

- А то!

- И тебе за это платят?

- А как же! Вот! - Она подскочила к письменному столу, вытащила оттуда зеленую кожаную коробку от подаренных Матильде Олегом швейцарских часов и достала голубой конверт. - Вот, это я заработала!

Матильда пересчитала деньги и вздохнула с облегчением. Денег было немного.

- Степа, но зачем? Тебе что, денег не хватало?

- Хватало. Но я хотела иметь свои, заработанные... - Она чуть было не сказала про компьютер, но промолчала, а то Мотья могла ее не так понять.

- И что это за тетенька?

- Одна знакомая. Такая хорошая...

- Но как ты ее нашла?

Эх, говорить так говорить!

- Мне тетя Липа эту работу нашла!

- Тетя Липа? - ахнула Матильда.

- Да, я ее попросила, и она нашла мне эту работу. Между прочим, она меня поняла.

- И кто эта женщина?

- Ты ее дочку знаешь. Артистку Пивоварову.

- Пивочку? - воскликнула Мотья. - Так ты у ее мамы работаешь?

- Ну!

Мотька пребывала в растерянности.

– И что же ты там делаешь?

– Всего понемножку. Убираюсь, в магазин бегаю, в аптеку, в сбербанк за квартиру платить, на почту... А Юлия Арсеньевна меня всему учит, манерам там разным, говорить правильно, вилку и нож правильно держать. Она... Знаешь, Мотя, она такая хорошая, как родная... Если не веришь, можешь ей позвонить хоть сейчас. Она так за меня обрадовалась, что я в Париж еду...

Мотька улыбнулась.

– Еду?

– Едешь, едешь! – успокоила ее Матильда.

Время летело с бешеной скоростью. Оказалось, что до отъезда надо переделать кучу дел, но Матильда со Степанидой спокойно все обдумали, распределили обязанности и в результате все успели. Более того, Матильда познакомилась с Юлией Арсеньевной. И та наговорила ей столько хороших слов про Степаниду, что Матильда ощутила настоящую гордость за свою двоюродную сестренку.

– Ох, у меня просто камень с души свалился, – призналась она пожилой даме. – А то я уж невесть что думала...

– Нет-нет, Матильда, Стеша на редкость способная и хорошая девочка. Очень добрая... Но одинокая, с комплексами. И читает мало, к сожалению.

– Ничего, это мы поправим! – задорно сказала Матильда. – Она у меня начнет читать, никуда не денется. Я ее допеку за этот месяц. А потом... Вы согласитесь ее обратно взять? – не без робости осведомилась Матильда. – Когда она у вас, я спокойна, а то после Парижа у меня сумасшедшая жизнь начнется. Гастроли и еще... Меркулов хочет ставить со мной «Ромео и Джульетту».

– Матильда, поздравляю, это же чудо!

– Это правда чудо, – кивнула Матильда. – Но работа будет еще та... Я ведь пока еще ничего не умею, одно дело играть современную девчонку, хоть и американскую, и другое дело – Шекспир! Так что Степе я мало времени смогу уделять...

– Не волнуйся, я теперь уж не могу долго без Стеши обходиться, мы с ней привязались друг к другу.

– Спасибо, спасибо вам огромное!

Степанида этого разговора не слышала, она в это время бегала в магазин и на почту. А все ее мысли были только о предстоящем путешествии. Сердце сладко и в то же время испуганно замирало, когда она говорила себе: «Послезавтра я буду в Париже! Обалдеть можно!»

Накануне отъезда ей позвонил Валерка.

– Степка, как дела? Собираешься?

– Собралась уже.

– Волнуешься?

– Ни капельки, – соврала Степанида.

– Врешь. Я ж тебя знаю! Да, кстати, я хотел спросить, про куртку никаких новостей нет?

– Откуда?

– Так я и думал. Мне тут пришла в голову одна мысль...

– Какая?

– Да вот хочу на досуге разузнать, кто такой этот Холщевников.

- На каком досуге? Ты ж на дачу едешь!
- Отъезд на три дня откладывается, там трубу прорвало, пока отремонтируют... Как ты на это смотришь?
- Да никак. Охота тебе, узнавай!
- Как, ты сказала, его зовут? Тимофей...
- Михайлович! Валер, ты один, что ли, будешь этим заниматься?
- Пока один. А там посмотрим. Если дело окажется перспективное, может, Костю привлеку.
- Валер, прошу тебя, если привлечешь Костю, привлеки и Алку, ладно?
- Это еще зачем?
- Сам не понимаешь?
- Она в него влюблена, что ли? - догадался Валерка.
- Ну да. Ой, ее ж тоже на дачу увозят...
- Да погоди, Степа, может, этот Холщевников просто какой-нибудь престарелый актер. Скорее всего даже. Везет же тебе, Степка, в Париж едешь!
- Не говори!
- Вас Олег провожать будет?
- Олег, понятное дело.
- А Мотькина мама?

- Она не сможет. У нее Игорек приболел. А ты почему спрашиваешь?
- Просто так. Ну ладно, Степа, желаю тебе удачной поездки. Да, когда будешь гулять по Монмартру, вспомни про меня.
- По чему гулять?
- По Монмартру. Монмартр – это такой район Парижа, где живут художники. Оперетку знаешь «Фиалка Монмартра»?
- Слыхала вроде...
- Наверняка слыхала. Там еще поют: «Карамболина, Карамболетта, ты светлой юности мечта!»
- А, знаю! – обрадовалась Степанида. – «Карамболина, Карамболетта, у ног твоих лежит блистательный Париж!»
- Молодец, а говоришь, не знаешь. Вот все герои этой оперетки жили как раз на Монмартре. Да, Степка, я желаю, чтобы и у твоих ног лежал блистательный Париж!
- Скажешь тоже! – хмыкнула Степанида.
- Ну не у твоих, так у Мотькиных!
- Валер, ты чего так раздухарился?
- Свобода, Степка, со школой до сентября покончено, это ли не радость?
- Вообще-то да. Ну все, Валер, у меня еще дела всякие.
- До свиданья, друг мой, до свиданья, милый мой, ты у меня в груди, предназначенное расставанье означает встречу впереди!
- Ты больной?

- Почему? Наоборот, здоровый. Я тебе прочитал стихи, а ты, как хабалка, отвечаешь: «Ты больной!» Фу, Степанида, я думал, твоя душа уже распахнута для искусства! Ты что, этих стихов не знаешь? Это же Есенин. Сергей Есенин. Это его самое последнее стихотворение, он его кровью написал, вскрыл себе вены и кровью написал эти стихи, а потом повесился.

- Бреешь.

- Степанида, ты хотя бы слышала про такого поэта - Есенин?

- Конечно! Только я ничего такого не знала... про вены...

- Зато теперь узнала. Кстати, Маяковский про это написал: «Может, окажись чернила в “Англетере”, вены резать не было б причины». Ладно, Степка, вот ты вернешься из Парижа с распахнутой душой, и я научу тебя любить стихи.

- Да чего вы заладили: стихи, стихи? - проворчала Степанида.

- Кто это вы? - любопытствовал Валерка.

- Ты да Юлия Арсеньевна.

- Потому что мы оба чувствуем за тебя ответственность и не хотим, чтобы ты выросла недоразвитой.

- А по-твоему, кто стихи не читает, тот недоразвитый?

- В известном смысле.

- Валер, а ты давно стихами увлекаешься? - спросила Степанида, припомнив слова Юлии Арсеньевны о том, что стихи читают влюбленные.

- Да как тебе сказать... уже года три. А что?

- Да нет, так... - разочарованно протянула Степанида.

- Ладно, Степка, счастливо тебе!

- И тебе - счастливо оставаться!

... Утром Матильда разбудила ее ни свет ни заря.

- Степка, вставай, а то в Париж опоздаем!

Матильда так и сияла.

- Моть, вон сколько времени еще, а у нас все готово! Могли б еще поспать.

- Ничего, в самолете поспишь!

- Нешто там уснешь?

- А почему бы и нет?

- Страшно.

- Да нет, Степа, можно привыкнуть.

- А ты когда первый раз летела - боялась?

- Боялась, да. Но Аська меня успокаивала. И потом, в самолете было так интересно! Ох, Степка, просто сил уж нет терпеть!

- Ты меня поэтому разбудила?

- Конечно! - счастливо засмеялась Матильда и в ночной рубашке закружилась по комнате.

- А нас кто встречать будет? Аська?

- Конечно! И еще, наверное, Ниночка. Помнишь Ниночку?

- Помню, еще бы не помнить! А у них там чего, дом свой?

- Нет, квартира, но большущая, на целый этаж! А красивая... Ох, как я по Аське соскучилась, мне столько надо ей рассказать...

- Да, так я и знала, вы там целыми днями секретничать будете, а мне что делать?

- Успокойся, все продумано! - засмеялась Мотьяка. - Днями мы секретничать не будем, только ночами. Когда ты будешь дрыхнуть без задних ног.

- А вы спать не будете?

- Будем, будем! Но немножко меньше.

Когда они позавтракали, Матильда заставила Степаниду одеться и критически ее оглядела.

- Годишься! - сказала она. - Вполне!

На Степаниде были новенькие джинсы и привезенный из Риги модный джемперок красивого золотисто-бежевого цвета, который очень шел к ее карим глазам.

Вскоре позвонил Олег и спросил, готовы ли они.

- Спускайтесь через двадцать минут, - распорядился он, - хотя нет, у вас же чемоданы, я сам зайду. Опять небось соленые огурчики прешь для Игоря Васильевича?

- Пру! - засмеялась Матильда. - С мамой спорить бесполезно!

Игорь Васильевич Потоцкий - Аськин дед, знаменитый оперный певец. В его честь Мотьякина мама Александра Георгиевна назвала своего сынишку, которому не было еще и года.

Раздался звонок. Степанида открыла дверь и обомлела. Рядом с Олегом стоял смеющийся Валерка.

- Не ожидала? А я вот решил тебя проводить. А то, думаю, Матильду Олег провожает, а тебя – никто. Ты не против?

- Нет, что ты... – обрадовалась Степанида. – Это клево!

- Ты сегодня нарядная, тебе эта кофточка к лицу.

Степанида вспыхнула. День хорошо начинается, подумала она, и радость ее захлестнула.

- Все, девочки, пора! – напомнил Олег и подхватил их сумки и большой чемодан.

Глава III

Долгожданная встреча

Я проснулась и сразу вспомнила – сегодня прилетает Мотья! Мы не виделись почти полгода, и каких полгода! В ее жизни столько всего произошло за это время. Моя любимая подружка Мотья стала настоящей звездой! Но это там, в России, она звезда, а здесь, в Париже, она будет просто Мотькой, как раньше. Я уверена, что она не зазналась, не изменилась. И все в доме радуются ее приезду – и дед, и Ниночка. Однако с Мотькой приедет Степанида, та еще штука. Мы с нею, правда, давно помирились, но все-таки неизвестно, чего от нее можно ожидать. Но все же я и ей очень рада.

Зазвонил телефон. Это Ален.

- Стася! Ты готова?

Встречать Матильду мы поедем с Аленом. Дед и Ниночка сейчас в Испании, там в Севилье у деда концерт и два спектакля. Он поет дона Базилио в «Севильском

цирюльнике».

- Буду готова через полчаса! - ответила я Алену.

На восемнадцатилетие ему купили машину. И дед успокоился. Он почему-то просто сходил с ума, когда Ален возил меня на своем мотоцикле.

- А Поль поедет?

- А как же! Он Матильду никак забыть не может!

Поль - товарищ Алена: прошлым летом, когда Мотыка гостила у меня в Париже, он ухаживал за нею. Она, правда, осталась к нему равнодушна, но, думаю, все-таки будет рада его видеть.

- Стася, через полчаса спускайся, мы будем внизу.

- Договорились!

Я быстренько привела себя в порядок и выбежала на кухню, где мадам Жюли готовила что-то для торжественного завтрака. Когда дед с Ниночкой в отъезде, мадам Жюли остается ночевать у нас. Раньше мне это доставляло массу неприятностей, поскольку я не умела говорить по-французски, но за полтора года в Париже я стала говорить совершенно свободно, но, как уверяет Ален, только с легким акцентом, и теперь мы с мадам Жюли живем душа в душу. Хотя, конечно, это вам не тетя Липа!

Я выпила стакан сока и съела тост с сыром.

- А кофе? - спросила мадам Жюли.

- Спасибо, не хочется. А чем это так вкусно пахнет? - любопытствовала я.

- Это будет соус с базиликом.

- Соус? А к чему?

- К телятине, - невозмутимо отозвалась мадам Жюли.

- Просто слюнки текут! Ну все, мадам Жюли, я побежала!

- Ася, а ты уверена, что хочешь жить в одной комнате с Матильдой?

- Еще бы!

- Но, может, лучше было бы кузин поселить вместе?

- Нет-нет! Они всегда вместе, а мы с Матильдой так редко видимся.

- Боишься, что днем вы не успеете наговориться?

- Вот именно!

Я выскочила на свою любимую авеню Виктора Гюго, и тут же к дому подкатил красный «Пежо» Алена. Я прыгнула на сиденье рядом с ним. Поль сидел сзади.

- Послушай, Стася, а что мы будем делать с этой девчонкой, Матильдиной кухней? - спросил Поль. - Она же будет под ногами путаться. Например, вечером мы могли бы пойти потанцевать, а как быть с нею?

- Да, это задачка! - засмеялся Ален. - Я как-то об этом не думал.

Сказать по правде, я тоже не думала об этом. Но, зная характер Степаниды, я поняла - это может стать проблемой.

- Значит, мы пойдем сегодня в такое место, куда можно взять и ее.

- Интересно, что это за место? - хмыкнул Поль.

- К примеру, в театр!

- В театр? Но она же по-французски ни в зуб ногой! - напомнил Ален. - Бедняжка просто сдохнет с тоски. Как, впрочем, и мы.

- Ничего, я все придумал! - засмеялся вдруг Польш. - Мы должны до вечера так ее умотать, чтобы часам к десяти она уже с ног валилась. Пусть детка сладко спит под присмотром мадам Жюли, а мы спокойно пойдем танцевать.

- Правильно! - обрадовался Ален. - Дешево и сердито!

- Не уверена, что из этого что-нибудь выйдет, - ответила я, - боюсь, что вы раньше с копыт слетите, чем Степанида!

- А что, такая мощная девица?

- Мощная? Да нет, но... От нее всего можно ждать. И вот еще... Прошу вас, не подшучивайте над ней.

- Почему, юмора не понимает?

- Понимает, но в Москве. А как поведет себя здесь, одному богу известно, - сказала я. - Очень прошу вас...

- Хорошо, - пожал плечами Ален. - Что мы, изверги?

- Вы не изверги, но...

- Все, Стася, можешь не продолжать!

В аэропорту меня охватило жуткое нетерпение. Скорей бы увидеть Матильду. Польш купил ей прелестный букет. Ален тоже подошел к цветочному киоску и выбрал маленький изящный букет.

- Это твоей Степаниде. Чтоб ей не обидно было.

Я взглянула на него с благодарностью.

Но вот объявили, что самолет из Москвы прибыл. Я замерла в ожидании.

– Аська! – раздался вдруг Мотькин вопль. – Аська!

Мы бросились друг другу в объятия. Потом отстранились – посмотреть, насколько мы переменялись за это время. Меня поразила Мотькина бледность и худоба. Она была почти прозрачная. А глазищи теперь занимали пол-лица. У меня сжалось сердце.

– Мотька, ты так похудела! Ты здорова?

– Здорова, как корова! Только устала до чертиков. Ой, Аська, мне столько надо тебе рассказать.

И тут я взглядом наткнулась на Степаниду. Она стояла позади Мотьки с довольно-таки хмурым видом.

– Степанида, привет! Дай-ка я тебя поцелую. А ты выросла и похорошела!

Степанида позволила себя поцеловать. И тут к ней шагнул Ален.

– Добрый день, Степанида! Я – Ален! А это тебе, с приездом! – он протянул ей цветы.

Степанида залилась краской.

– Это мне? – пролепетала она. – Какие красивые... Спасибо.

И она взглянула на Алена с такой благодарностью, что я чуть не разревелась. А Матильда тем временем уже обнималась с Полем.

– Ну все, все, – сказал Ален, – нежности потом, сейчас надо ехать. Мадам Жюли ждет нас с завтраком. А ее завтраками пренебрегать не стоит.

- Я опять в Париже! - восторженно вскрикнула Мотья. - Кто бы мог подумать! Степка, ты хоть понимаешь - ты в Париже!

- Понимаю, чего ж тут не понять.

- Вот что значит разница темпераментов, - проворчал Ален.

В машине я с Мотькой и Степанидой села сзади, а Поль рядом с Аленом. Мотья то и дело что-то восклицала, а Степанида молча смотрела в окно.

- Аська, а какие планы на сегодня? - спросила негромко Мотья.

- Сейчас позавтракаем, а потом куда хотите, полная свобода!

- А Игорь Васильевич здесь?

- Нет ни его, ни Ниночки, они в Севилье, вернутся через несколько дней.

- Жаль...

- Ничего, успеешь еще пообщаться с дедом! У вас же целых три недели.

- Ох, не говори! Даже самой не верится. Три недели в Париже, с тобой! - прошептала Мотья.

- Матильда, - сказал Ален, - сегодня у меня свободный день, поэтому надо воспользоваться машиной.

- Что ты имеешь в виду?

- Может, махнем после завтрака в Версаль?

- Можно и в Версаль! В прошлый раз мы так недолго там были...

Я видела, что Степанида напряглась. Наверно, она не знает, что такое Версаль, а спросить стесняется, ну да ничего, лучше один раз увидеть, чем сто раз

услышать.

- Степка, гляди, ты знаешь, что это такое вон там торчит? - закричала Мотьяка.

- Знаю! Эйфелева башня, - невозмутимо ответила Степанида.

- Точно! - обрадовалась Матильда.

Когда машина Алена свернула на нашу улицу, Матильда завопила:

- Степка, Степка! Это наша авеню! Авеню Виктора Гюго!

- Только не спрашивай меня, чего он написал, - тихо проговорила Степанида.

- А ты, что ли, знаешь?

- Конечно! «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные» и еще много чего, - продемонстрировала свою эрудицию Степанида.

- Ну надо же! - поразилась Мотьяка.

Мы подъехали к нашему дому. Навстречу нам выскочил Дидье.

- Бонжур, Дидье! - проговорила Матильда.

- О! Мадемуазель, бонжур! - захлопал глазами Дидье, узнав Матильду. - Рюски баришна!

- Это кто? - не выдержала Степанида.

- Консьерж.

- А почему негр?

- В Париже много негров, - не придумала я ничего лучше.

Степанида кивнула, приняв это к сведению.

Мы вошли в дом. При виде отделанного красным деревом лифта Степанида округлила глаза и покачала головой, но ничего не сказала. Она вообще почти все время помалкивала – то ли боялась сказать что-то невпопад, то ли была переполнена впечатлениями. Завтрак мадам Жюли накрыла в столовой, и я подумала, что Степаниду это смутит, но ничуть не бывало. Она вполне спокойно управлялась с приборами, и только незнакомая еда внушала, кажется, ей некоторые опасения – наслышалась, видно, что французы едят лягушек. А Мотыка так и сияла! Поль смотрел на нее открыв рот, но я сразу поняла: ему ничего не светит. По всем признакам, Мотыка была влюблена. Неужели по-прежнему в Олега? Что-то не верится!

После завтрака мы все погрузились в машину и поехали показывать Степаниде Париж и его окрестности. Надо же воспользоваться свободным днем Алена!

А Степаниде было как-то не по себе. Ее поразила роскошная квартира знаменитого певца, где предстояло прожить целых три недели. Там все было как-то не так, даже в уборной она далеко не сразу сообразила, как спустить воду. Она была в панике, даже взмокла с перепугу и уже от отчаяния дотронулась до какой-то металлической пластинки в стене. И вода сразу полилась. Придумают же... А сколько еще подобных ситуаций ее ждет? Хорошо еще, она не успела никого позвать на помощь... то-то позору было бы... Да и вообще... Эта пожилая мадам Жюли, которая подает к столу... Негр, который таскает чемоданы... И эти парни, Ален и Поль... Вроде ничего плохого в них нет, Ален вон даже цветочки ей подарил, а все-таки... Чужие они какие-то... «Ну да ничего... Я еще привыкну. Привыкла же я в Москве, – думала она, – а сначала тоже было страшновато и неловко. Кстати, надо будет попросить у Аси карту Парижа. Хорошо бы дня через три-четыре освоиться немного и начать одной гулять по городу». Она понимала, что Аське и Мотыке охота побыть наедине, а она, вообще-то, прекрасно ориентируется. В Москве уже через три дня передвигалась самостоятельно. Правда, в Москве все говорят по-русски, но зато тут, в Париже, все улыбаются, а в Москве народ больше хмурый... Да, решила Степанида, одной гулять даже интереснее... Надо только, чтобы Аська научила ее пользоваться здешними уличными телефонами – на всякий случай... Хотя вряд ли ее отпустят одну, Матильда побоится... «Ну ничего, я что-нибудь придумаю, уговорю их, или... Или просто уйду потихесеньку, а потом приду как ни в чем не бывало, и они поймут, что меня можно отпускать одну. Завтра же с

утра попробую! Встану пораньше и слиняю. Ненадолго, на полчасака всего, пойду прошвырнусь по нашей авеню, никуда даже сворачивать не буду, чтобы не заплутать». И, приняв такое решение, Степанида успокоилась.

Ален целый день возил их на машине, показывал достопримечательности. У Степаниды голова шла кругом от всяческих красот и от старания ничем не выдать своего невежества. Она приказала себе не задавать лишних вопросов и ничему не удивляться. Хотя это было трудно, потому что на самом деле она пребывала в непрерывном удивлении.

Правду люди говорят: Париж – настоящее чудо!

К вечеру я стала замечать, что Степанида уже едва держится на ногах от впечатлений. По дороге из Версаля она попросту задрыхла в машине.

– Степка, ты что! – попыталась ее разбудить Матильда.

– Мотька, пускай спит! – вступилась я за девчонку. – Она ж тут не на три дня, а на целых три недели, еще успеет все посмотреть.

– Твоя правда, – легко согласилась Матильда, – просто мне кажется, что в Париже грешно спать...

– А, между прочим, у тебя самой довольно сонный вид, – усмехнулся Ален, взглянув в зеркальце.

– Ну, вообще-то, я и вправду устала... – призналась Матильда.

– Так что, сегодня танцы отменяются? – поинтересовался Поль.

Мы с Мотькой переглянулись. Нам столько надо рассказать друг другу, а когда еще представится возможность...

– Да, мальчики, сегодня я уже ни на что не гожусь, – сказала я. – Тоже устала, как пес!

– Что это вы какие слабые? – засмеялся Ален. – В прошлый раз готовы были с утра до ночи таскаться, а сейчас еще только начало девятого...

– Ален, ты ничего не понимаешь в женщинах! – весело воскликнул Поль. – Подружки полгода не виделись, им посекретничать надо, а тут Степанида спит...

– Он прав? – спросил Ален.

– Только отчасти, – призналась я. – Но вы не обижайтесь...

– Постараемся!

Они довели нас до дома, помогли довести до квартиры едва державшуюся на ногах Степаниду, и Ален на всякий случай спросил:

– Ну как, не передумали? Может, отдохнете полчаса, а потом все-таки...

– Нет, – решительно заявила Матильда, – не могу! Просто сил нет!

– Ну, как хотите, – чуть сухо вато сказал Ален. Кажется, он все-таки обиделся. Глупо!

Мы с Мотькой отвели Степаниду в ванную, помогли умыться, потому что она не справлялась с кранами и душем, а потом уложили спать. Ужинать она отказалась. Нам тоже есть не хотелось. Мы уселись в гостиной в кресла. Мне казалось, стоит нам остаться вдвоем, как разговор польется сам собою, но нет... Мы молча смотрели друг на друга. Эти полгода столько вместили в себя, что мы обе не знали, с чего начать.

– Ну? – не выдержала я. – Чего молчишь?

– А ты? – улыбнулась Мотька.

– Нет, начинай ты...

- Аська, столько всего, что я... Аська, я не знаю, что мне делать...
- Что делать? В каком смысле?
- Понимаешь, Меркулов хочет ставить «Ромео и Джульетту»...
- И ты будешь играть Джульетту?
- Вроде бы...
- Но это же просто здорово! Мотька! Это же... это же...
- Аська, а если я провалюсь?
- Провалишься? Почему?
- Потому что это Шекспир! Мне иногда во сне снится, что меня освистывают! Понимаешь, тут все-таки нужна школа, а я ничего не умею... Это стихи...
- Матильда! Ты сумасшедшая, да?
- Почему? - растерялась она.
- Ты что, сомневаешься?
- Еще как!
- А Меркулову ты про это говорила?
- Говорила.
- А он что?
- А он велел мне выучить одну сцену с Ромео и показать ему.

- Ну и что? Ты выучила?

- Конечно!

- Показала?

- Да. И он сказал...

- Что? Что он сказал?

- Ты смеяться не будешь?

- Нет!

- Он сказал, что я... Джульетта его мечты!

- Как? Джульетта его мечты? - переспросила я.

- Аська, ты же обещала!

- Да я и не думаю смеяться! Это же просто здорово! Поздравляю, Мотья! И ты еще сомневаешься?

- Конечно, сомневаюсь...

- Ну, ты всегда сомневаешься... Хотя это правильно. Сомневаться надо, это полезно, дед тоже всегда так говорит. Подумать только, Мотья, год назад ты была в Париже, даже меньше года, и вовсе не думала, что скоро станешь звездой!

- Аська, прекрати, никакая я не звезда! Просто я везучая, тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

И она постучала по деревянному столику.

- Аська, а как ты считаешь... Вот когда Игорь Васильевич вернется, можно мне с ним будет посоветоваться?

- Насчет чего?

- Насчет Джульетты и вообще...

- Конечно, можно, ты же знаешь, как дед к тебе относится!

- Аська, все, давай сейчас больше про это не будем, ладно?

- Как хочешь.

- Ась, а почему ты пригласила со мной Степаниду?

- Как почему? - удивилась я. - Она же живет у тебя, и что же - ты бы ее одну оставила, а сама бы укатила в Париж?

- Ты настоящий друг, Аська!

- А ты сомневалась?

- Вообще-то нет.

- А тебе с ней трудно, со Степкой?

- Нет, она хорошая... Она даже работать устроилась...

- Работать? А школа?

- Она после школы подрабатывает, и знаешь где? У Пивочкиной матери.

- У Юлии Арсеньевны? - ахнула я.

- Да. И устроила ее туда тетя Липа.

- Обалдеть!

- Да, и она все от меня скрывала, я совсем недавно узнала...

- А, теперь понятно, откуда у нее такие хорошие манеры за столом, я даже удивилась...

- Почему? А у меня что, плохие манеры? - всполошилась Мотья.

- Нет, что ты... Просто я знаю, что тебе некогда было заниматься обучением Степаниды, - рассмеялась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/ekaterina-vilmont/u-straha-glaza-veliki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)